

А.Н. Мещеряков

МЕЖДУ ВОДОЙ СОЛЕНОЙ И ПРЕСНОЙ: ОСМЫСЛЕНИЕ МОРЯ В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Природный фактор оказывает огромное влияние на развитие культуры и становление цивилизации. Отношение человека к природе, ее преодоление или иное взаимодействие с ней находит отражение в мифе, политике, религии. Японская культура, формировавшаяся в условиях окруженности водной стихией, в разные исторические периоды воспринимала ее неоднозначно. В статье рассматривается отношение японской культуры на исторической протяженности к воде соленой и пресной, в связи с чем особенно значимым представляется анализ восприятия японцами моря, с одной стороны, являющегося источником пищевых ресурсов и «мостом» на материк, с другой – отталкивающим и пугающим природным объектом.

Ключевые слова: японская культура, историческая география, историческая хроника, природа Японии.

Хозяйственно-пищевой уклад традиционной Японии характеризуется сочетанием морского промысла и растениеводства. Он начинает складываться с III в. до н. э. Разумеется, рыболовству и морскому собирательству в этом укладе принадлежит хронологический приоритет. Развитие растениеводства получает постепенное распространение в связи с миграциями с Корейского полуострова. До этого времени насельники вели жизнь полукочевых рыболовов, охотников и собирателей. Эта ситуация отражена в японских мифах (впервые фиксируются в начале VIII в.).

Не будучи знакомы с достижениями современной науки, создатели этих мифов тем не менее не сомневались, что море существовало раньше суши. Боги Идзанаги и Идзанами порождают острова Японии следующим способом: находясь на Небесном мосту, они опускают в море копьё, а капли, стекшие с него, затвердевают и образуют крупные острова. Что до островов мелких, то существуют два варианта мифа: в одном из них говорится, что они образуются из морской пены, а другой утверждает, что "материалом" для островков послужила пресная водяная пена². Потомки Идзанаги и Идзанами – божества Аматэрасу и Сусаноо – еще не теряют креационных способностей, они порождают детей-божеств с помощью воды

(окуная священные предметы в колодцы, которые выкапывают сами). В одном из вариантов этого мифа боги находятся возле реки, пресная вода которой, видимо, является необходимым условием для акта творения³.

Итак, мы видим, что в мифе и вода морская, и вода пресная обладают творительными потенциями, но морской воде приписывается все-таки бóльшая значимость.

В текстах, отражающих древний пласт синтоистских верований, фиксируется также очистительная функция воды – как пресной, так и морской. Показательным примером является молитвословие (норито), записанное в X в. Относительно ритуальной грязи и прегрешений там говорится: «[У]несет их с собой в Великого Моря равнину // богиня Сэорицухимэ, что пребывает // в стремнинах рек стремительных, // что падают, низвергаясь, // с гребней высоких гор, низких гор. И коль унесет она их, // то там их возьмет и проглотит// богиня Хаяакицухимэ-но ками, // пребывающая в месте встречи восьми сотен течений, // восьми дорог течений, // восьми сотен дорог течений, // бурных течений...». Далее объявляется, что после совершения очистительного ритуала вся грязь с чиновников (которые и отправляли этот ритуал) смывается⁴.

Таким образом, вода пресная и вода соленая участвуют в деле смывания грехов на равных основаниях. Море является резервуаром для «сточных вод», но таким резервуаром, где загрязненная вода фильтруется и очищается. В мифе морской воде тоже приписывается очистительный смысл: после посещения страны смерти бог Идзанаги проводит ритуал очищения в морской воде⁵. Случаи очищения с помощью пресной (речной) воды также многочисленны.

Итак, мифоритуальные тексты позволяют говорить о творительных и очистительных свойствах моря. Этот первоматериал изначально чист, о чем свидетельствует созданная из него прекрасная земля. Суша (территория Японии), которая находится под управлением потомков богини солнца Аматаэрасу (прародительницы императорского рода), наделяется исключительно положительными свойствами: она обширна и обильна. Именно потому, что эта страна прекрасна, божество Ниниги (внук Аматаэрасу) примечает ее со своего небесного поста, спускается вниз и приступает к ее дальнейшему обустройству⁶.

В то же самое время людской страх перед огромным и бурным морем тоже находит отражение в мифе. Море находится в ведении брата Аматаэрасу, Сусаноо, который отличается необузданным и непредсказуемым нравом, за что и изгоняется в страну мрака и смерти. Таким образом, пугающие характеристики моря соотносятся с

качествами вредоносного божества. Подтверждением идеи о принципиальном отличии суши и моря становится миф о Тоётама-химэ – дочери морского царя. Отправившийся в глубины моря земной обитатель женится на ней, но, нарушая запрет супруги, украдкой наблюдает за ее родами (для того, чтобы родить, она вынуждена отправиться на берег). Устыдясь того, что ее увидели, Тоётама-химэ решительно заявляет: впредь суша и море не смогут сообщаться между собой (т.е. путешествие с суши в глубь моря и обратно является невозможным)⁷.

Море часто фигурирует в преданиях, отражающих процесс создания единого государства Ямато, что сопровождалось многочисленными военными походами. В это время для перемещения войск часто используются корабли. Когда они находятся на территории противника, местные морские боги чинят им препятствия и требуют ритуальных мер по умиротворению. Так случилось со знаменитым военачальником принцем Ямато-такэру. Когда его ладья не могла пересечь пролив, пришлось приносить в жертву девушку⁸. Следует, однако, иметь в виду, что «сухопутные» боги непокоренных земель ведут себя похожим образом. В любом случае мы должны констатировать, что морская стихия осмысливается как подверженная контролю со стороны человека (пусть это будет и особо выдающийся человек). В квазиисторическом предании о военном походе на Силла, предпринятом государыней Дзингу (трад. 201–269), которая наделяется шаманским даром, сообщается: после соответствующих молений и обрядовых действий боги ветра и волн вызывают попутный ветер, так что корабль без всякого человеческого усилия добирается до цели⁹.

Мифы и ритуальные тексты характеризуют море как амбивалентную среду, обладающую как положительными, так и отрицательными характеристиками. То же самое можно сказать и относительно суши. Таким образом, оценки моря и суши были достаточно сбалансированы, что отражает местный уклад жизни, основанный на земледелии и морском промысле.

Оценки моря, однако, претерпевают существенные изменения вместе с усвоением в Японии китайской картины мира, в которой земля и земледелие занимают положение, несопоставимое по своей значимости с морем и морским промыслом. Формирование централизованного государства в VII–VIII вв. сопровождалось и формированием государственной идеологии. Общепринятым становится положение китайской натур-философии, согласно которому одним из пяти первоэлементов (наряду с деревом, огнем, землей и металлом) является вода, но вода пресная. Жизнь творцов государственной идеологии все больше удалялась от моря, их

умственные построения начинали жить самостоятельной жизнью и оказывали существенное влияние на стратегию государственного поведения. Если раньше резиденция государя могла располагаться на побережье (например, в Нанива, совр. Осака), то теперь столицы возводят в глубине Хонсю – в Фудзивара, Нара, Хэйан. Показательно также, что во время символического объезда подведомственной территории (составная часть ритуального интронизационного цикла) государыня Гэнсё осматривает озеро Бива, а вовсе не морское побережье¹⁰. В VIII–IX вв. в придворный обиход входит ритуал «молодой воды» (вакамидзу), когда в первый день нового года императору преподносят чистую пресную воду из священного колодца. Предполагалось, что эта вода имеет очистительные (отпугивающие вредоносных духов) свойства. Первое сообщение, позволяющее говорить о прототипической ситуации, в результате которой и сформировался данный ритуал, относится к 717 г., когда было приказано доставить целительную воду из горного источника в провинции Мино¹¹.

Во времена расцвета древнего централизованного государства (VIII–X вв.) оно положительно оценивало качества территории (суши), на которой проживали японцы. Она представлялась им большой и обильной. В то же самое время на море, окружающее сушу, они стали смотреть совсем по-другому. В официальной, письменной культуре, территория Японии – это «маленький материк», «остров» спокойствия посреди бушующей стихии. Несмотря на то, что территория Японии состояла – как нам представляется из нынешнего дня – из островов, в общем и целом страна (ее правящая элита) позиционировала себя не как «морское» и рыболовецкое, но как «материковое» и земледельческое государство. В сакральных текстах, несущих в себе образность времен мифа, территория Японии достаточно часто продолжает именоваться «страной восьми (множества) островов» (Ооясима), но в текстах, отражающих более современные реалии, понятие «остров» обладает отрицательными коннотациями. Провинция Идзу являлась местом ссылки. Она была расположена на Хонсю и не являлась островом. Однако в указах, предписывающих отправить туда преступника, Идзу презрительно называлась «островом»¹².

Усвоив многие китайские навыки и представления о жизни, просвещенные на китайский лад японцы считали земледелие основой жизни и государства, а потому все другие занятия обладали для них гораздо меньшей ценностью. Начиная с VIII в. «культурная» Япония постепенно «забывает» о морской составляющей своего хозяйственного и культурного бытия. Это было обусловлено

развитием растениеводства, в особенности заливного рисосеяния, требующего постоянной подпитки пресной водой. В связи с этим сооружение ирригационных сооружений (каналов, плотин, запруд, водохранилищ-прудов) получает все более широкое распространение и пользуется активной поддержкой государства, которое пытается установить всеобъемлющий контроль не только над людьми, но и над природой. Пресная вода рек и запруд поддается практическому регулированию (управлению) со стороны человека, но о море сказать этого нельзя. Регулированию поддается и чистота пресной воды. В ответ на докладную записку, в которой ее податель жалуется на то, что в верховьях реки Камо люди охотятся на оленей и кабанов, а потом омыают туши, после чего вода протекает мимо святилища Камо и «оскверняет» его, император немедленно издает запрещающий охоту указ¹³. Что до воды морской, то распоряжения, регулирующие ее чистоту, нам неизвестны.

Стихия моря – текуча, люди, с ним связанные, находятся в постоянном движении и хуже поддаются контролю (учету и налогообложению). Рыбная ловля – это разновидность охоты с ее ограниченно прогнозируемыми результатами, что противоречит основным установкам земледельческого государства на предсказуемость жизни. Кроме того, рыбаки имеют дело с убийством живых тварей, а это не вписывалось в буддийскую мораль. В связи с этим, когда в стране объявлялись «дни очищения» (скажем, в случае болезни императора) и запрещалось убиение живых существ, в первую очередь такие распоряжения имели в виду рыбаков (правда, параллельно отдавался благоразумный приказ о снабжении их в эти дни продовольствием)¹⁴. Следует при этом отметить, что запрет на потребление рыбы никогда не был чересчур строгим и всеобъемлющим – морская и речная живность на шкале пищевых запретов находилась по умолчанию между «настоящими» живыми существами (теплокровными) и растениями. Приношения рыбой (как морской, так и пресноводной) синтоистским божествам имели регулярный характер.

Тем не менее все, кто связан с морем, и всё, что с ним связано, стали обладать в государственной системе ценностей более низким статусом, чем имевшие отношение к земле и земледелию. Сановники и чиновники наделяются земельными участками, а не рыбными ловлями. Человек без постоянного места жительства презрительно именуется человеком-волной (ронин). «Просвещенное» государство энергично регулирует земельные отношения и жизнь земледельцев, но море избегает этой участи. Рыбаки свободнее от хватки государства, и его чиновные представители считают жизнь рыбаков

ущербной, обыкновения рыбаков – грубыми и "некультурными", язык – непонятным, морскую рыбу – менее престижным продуктом потребления, чем рыба пресноводная. Пожалуй, единственным морским мотивом, который устойчиво присутствовал в развитой поэтической традиции государства, считавшего себя земледельческим, является постоянное упоминание о дыме костров, которые разводят жители побережья для добычи соли с помощью выпаривания морской воды (в Японии отсутствуют залежи каменной соли).

В «Повести о дупле» («Уцубо (Уцухо) моногатари», вт. пол. X в.) описывается великолепный подарок, представлявший собой декоративный столик с морским пейзажем: по морю из серебра плывет золотая лодка, в которой находится вовсе не морская живность, а предназначенные для перекуса карпы и караси, т. е. рыбы пресноводные¹⁵. Ёсида Канэёси (Кэнко-хоси), характеризуя в своих «Записках на досуге» (около 1330 г.) упадок нынешних нравов, с брезгливостью и горечью писал о тунце (который в настоящее время считается превосходным сырьем для суси и сасими): «В море возле Камакура ловят рыбу, именуемую тунцом, и считают ее наилучшей. Такое суждение явилось недавно. Один старик из Камакура рассказал мне: “Когда я был молодым, к столу людей благородных тунца не подавали. А голову даже люди подлые не ели. Они ее отрезали и на помойку выбрасывали”. Да, последние времена настают...Чтобы такой-то гадостью люди благородные не брезговали...»¹⁶.

В VIII–X вв. официальная идеология позиционировала Японию как культурный центр, который окружен с четырех сторон морем. Эти моря отделяли Центр от варварской периферии. Предполагалось, что люди с периферии горят желанием попасть в окультуренный Центр, т. е. в Японию. Источники всячески подчеркивают стремление стран (племен)-вассалов приблизиться к Центру и преподнести дань. И это желание настолько велико, что даже «бурное море» не может послужить в этом деле препятствием. Для самих же японцев море представляет лишь весьма ограниченный интерес: морское путешествие может привести лишь в такие места, которые заведомо хуже Японии.

Наиболее окультуренное место Японии – это столица, где пребывает император. В хронике «Сёку нихонги» утверждается: «Столица – место для ста управ, сюда собираются люди из-за четырех морей»¹⁷. Авторы воинского эпоса «Хэйкэ моногатари» (пер. пол. XIII в.) описывают остров, предназначенный для ссылки, и приводят список отрицательных характеристик заморской земли и ее обитателей: «Людей на острове мало. Цвет кожи у них черный, точно у буйволов, тело обросло шерстью, и речи их непонятны. Мужчины

не носят шапки, женщины не убирают волосы в прическу. Неведома им одежда, оттого и на людей они непохожи. Главный их промысел – убийство всяческих живых тварей, ибо на острове нет растений, годных для пропитания. Они не возделывают поля, оттого и нет у них риса, в садах не сажают деревьев тута, оттого и нет у них шелка и других тканей. Посреди острова высятся горы, вечно пылают там неугасимое пламя... Среди горных вершин непрерывно грохочут раскаты грома, в низины потоками низвергаются ливни. Кажется, ни единого дня, ни краткого мига невозможно здесь прожить человеку!»¹⁸

Морской путь из японцев в варвары был опасен по определению – чем больше удалялся человек от Центра, тем более в опасном положении он находился. Это касается как собственно архипелага, так и заграницы. При этом прибрежные воды все-таки поддаются ритуальному контролю, и тамошние божества более-менее послушны воле императора. И во время мятежа Фудзивара Накамаро (764 г.) они послали «божественный ветер» (камикадзэ), остановивший корабль Накамаро, спасавшегося бегством от императорской армии. Точно так же «божественный ветер» разгоняет монгольский флот, который в конце XIII в. дважды высаживался на японскую землю.

Синтоистские божества защищают Японию от вторжения по морю. Однако с покровительством японцам, которые пускаются в плавание, дело обстояло хуже. В «Повести о дворце Мацура» (кон. XII в.) отец беспокоится о судьбе сына, отправляющегося в составе вымышленного посольства в Китай: «Японские боги защищают только нашу страну, их власть не распространяется на тех, кто отправляется в Китай»¹⁹.

Представление о том, что за «настоящим» морем не может находиться что-то стоящее и замечательное, сказалась и на представлениях о месторасположении горы-острова Хорай (*кит.* Пэнлай), где, как считалось в китайской традиции, обитают даосские бессмертные. Однако в некоторых средневековых японских текстах Хорай отождествляется с горой Фудзи, которая, как известно, расположена вовсе не посреди моря, а на суше²⁰.

Периферия самой Японии и заграничные страны характеризовались как пространство, где отсутствует твердая власть и господствует социальный хаос. Видный государственный деятель Сугавара Митидзанэ в 894 г. решительно выступил за отмену уже назначенного посольства в Китай, поскольку эту страну сотрясают мятежи. Посольство было действительно отменено, и с тех пор посольства в Китай больше не назначались. После того, как придворный Китабатакэ Тикафуса (1293 – 1354) составил свои «Записи

о правильном божественном наследовании» («Дзинно сётоки»), тезис о том, что несравненным достоинством Японии является несменяемость правящей династии, пользуется безоговорочным авторитетом.

Итак, японская элита решительно «отгораживается» от моря, в ее воображении оно предстает как среда грозная, страшная и малодоступная для освоения. Море – это источник опасностей: штормов, бурь, цунами, тайфунов. Приведем показательный пример изменения отношения к морю. При введении натуральных податей государь Судзин (трад. 97 г. до н. э. – 30 г. н. э.) предписывает повсюду строить суда, мотивируя это заботой о людях: они-де сильно мучаются, ибо вынуждены перетаскивать непосильную ношу на своих плечах (гужевой транспорт имел в Японии крайне ограниченное распространение)²¹. Однако в VIII в. налоговые поступления в столицу для их лучшей сохранности власть предписывала доставлять уже не морем, а сушей²².

При упоминании моря представители элиты рисовали в своем воображении не «гладь», а бурные волны. Назначение в состав посольства в Китай зачастую воспринималось чиновником как настоящее несчастье – ведь слишком часто дело кончалось кораблекрушением и смертью посланников. Хроники полны душераздирающими описаниями гибельных плаваний японских посольств. С отменой посольства 894 г. идея автаркии как идеального модуса существования получает значительное распространение. Когда на Корейском полуострове в 918 г. было воссоздано государство Корё (Когурё), оно пожелало установить дипломатические контакты и приносить дань японскому императору, однако это казалось бы столь лестное предложение было решительно отвергнуто. Ёсида Канзёси писал: «За исключением лекарств, ничего китайского нам не надобно. Книг в нашей стране и так полно – вот их и переписывать станем. А то, что китайские корабли во множестве переплывают бурное море, груженные доверху никому не нужными безделушками, так это глупость несусветная. Кто-то сказал: “Заморские вещи за сокровище не чтут”. И еще: “К чему ценить вещи, которые добыть трудно?”»²³

Окруженные морем, японцы не сумели (или не захотели?) создать надежные корабли, предназначенные для сколько-то дальнего плавания в открытом море. Не имевшая существенных масштабов внешняя торговля осуществлялась иностранными (преимущественно китайскими) купцами.

Понижение статуса моря (морской воды) и повышение статуса воды пресной хорошо видно по тому, что все ритуалы очищения, практиковавшиеся элитой (как синтоистские, так и буддийские), имеют дело только с пресной водой (этнографы фиксируют и обряды

очищения с погружением в морскую воду, но такая практика была распространена только среди «простонародья»). Буддизм внес существенную лепту в дело осмысления воды: в устройстве буддийского рая есть суша и пресные водоемы (реки и пруды), но море там отсутствует. В сочинениях буддийских мыслителей людские страдания привычно уподоблялись морю-океану.

Относительно оценки качеств соленой и пресной воды показательна трансформация, которую претерпел сад. В японских садах VIII – IX вв. непременно присутствовал пруд с островом, который символизировал Хорай. Вода в пруду была пресной, сам он – мелок. Это было настоящее «море по колено» – усмиренная океанская стихия. Жилище владельца сада размещалось на берегу пруда-моря, что, конечно же, приближало его к острову бессмертных, однако в действительности японские аристократы на берегу моря в это время по своей воле уже не селились. Показательно суждение, содержащееся в «Повести о Гэндзи». Попав в опалу, принц Гэндзи поселяется на морском побережье в местечке Сума, которое аттестуется следующим образом: раньше здесь проживали достойные люди, но теперь даже хижины рыбаков – редки²⁴. Прудовая вода вокруг Хорай была лишь номинально соленой, она окончательно «опресняется» вместе с широким распространением в XI в. амидаизма, предполагающего веру в рай, повелителем которого является будда Амида. Его приверженцы сохраняют в саду и пруд, и остров, но теперь это пространство мыслится как модель рая, в котором имеется лишь пресная вода.

Упадок централизованного государства становится общеизвестным к концу XI в. – усобицы и мятежи сотрясают страну, государь теряет контроль над пространством и подданными. В связи с этим элитой овладевают самые пессимистические настроения. Это было вызвано неустойчивостью политической системы, на которую наложилась идея о конце закона Будды (маппо), который, как считалось, наступил в 1052 г. Дальнейшее умаление статуса моря в картине мира становится особенно заметным начиная с XII в., когда все большее распространение получает определение Японии как расположенных в море островов с просяное зернышко. В этой модели понятия Центра и периферии меняются местами. Если раньше море представлялось средой, которая отделяет «культурную» Японию от «варварских» окраин, то теперь море отделяет родину Будды (Индию) и Китай (в то время он воспринимался в значительной степени как родина дзэн-буддизма) от крошечной и несчастной Японии²⁵. Побывавший в Китае знаменитый проповедник дзэн-буддизма Догэн (1200 – 1253) писал о Японии с неприкрытым ожесточением: «Страна Япония расположена

далеко в море, люди там глупы, мудрецов здесь никогда не рождалось, нечего и говорить, что и люди, вступившие на путь учения, здесь редки»²⁶. Другой знаменитый проповедник буддизма – Нитирэн (1222 – 1282) – говорил о том, что Япония – крошечный островок в море, который не сразу и разглядишь – прилив скрывает его, и только на время отлива он показывается над поверхностью моря²⁷.

Несмотря на такое неблагоприятное позиционирование Японии, японцы все равно практически не пытались приблизиться к Индии. Редчайшее исключение – знаменитый монах Мёэ (1173–1232). Горюя по поводу того, что ему довелось родиться в крошечной периферийной стране в век деградации, он задумал путешествие на родину Будды и даже составил график своего пребывания там, но предостережение божества святилища Касуга остановило его: божество заявило, что Мёэ для него – все равно что сын, и расставание с ним будет слишком тяжело для него. И тогда Мёэ не оставалось ничего другого, как омыть ноги в море – он полагал, что эта же вода оmyвает и берега Индии²⁸.

С установлением сёгуната Токугава (1603 г.) и концом междоусобных войн территория страны вновь начинает восприниматься как благоприятная для проживания. Что до моря, то ему приписывается функция охраны Японии от зарубежных дурных влияний и вторжений. Практической мерой по защите страны от таких влияний стало почти полное законодательное закрытие Японии для внешних контактов. В период Токугава европейцы долгое время проявляли малую заинтересованность в Японии. Закрытие Японии они встретили более-менее спокойно. Они успели убедиться, что страна не обладает теми ресурсами, которые они с таким энтузиазмом искали за морями, и отказались от ее покорения. В Японии же это было воспринято как доказательство уникальности географического положения Японии, находящейся под защитой синтоистских божеств и моря. Считалось, что именно вследствие покровительства божеств Япония богата всем необходимым для ее существования и не нуждается в торговле, которая требуется европейцам в силу природной бедности их земель.

Нативист Хирата Ацутанэ (1776–1843) писал: «Изобилием и приятностью ничто не может превзойти земли, лежащие между тридцатым и сороковым градусами северной широты. Япония расположена в этом промежутке, кроме того, она расположена восточнее прочих стран, своим произволением небесные боги особо благоволят этой стране. Они обложили ее со всех сторон бурным морем, дабы воспрепятствовать вторжению иноземных врагов, а земли разместили здесь и там, так что они образовали множество

островов...»²⁹

Астролог и географ Нисикава Дзёкэн (1648–1724) в своем трактате «Размышления о японской воде и земле» («Нихон суйдо ко») тоже утверждал, что территория Японии превосходно «укреплена» самой природой, и по этому параметру она превосходит все другие страны. И это чрезвычайно важно – ведь закономерность состоит в том, что маленькие страны покоряются большим. Хотя земля Японии находится поблизости от больших стран, она отделена от них бурным морем и поэтому как бы далека. Благодаря этому она никогда не была покорена большими странами. Японию с древних времен называют «Ураясу» («Страна спокойных заливов»), потому что она защищена от вторжения иноземцев самими природными условиями. Сами же японцы, проживая «в большом замке» среди спокойных заливов, обладают воинской доблестью тысячи копий, их Небо и Земля – вечны. Этот народ является потомков божеств, его путь – завещан богами. Этот народ любит прозрачное, чистое, белое, шествует дорогой человеколюбия и мужества, он преисполнен мудрости, которая возникает в нем сама собой, что является следствием божественной природы этой страны³⁰.

В предлагаемой системе ценностей морю придавались исключительно положительные смыслы – как стихии, которая отделяет и предохраняет «культуру» от завоеваний и «варварства». Море играло роль естественного рва с водой. И такая точка зрения являлась в эпоху Токугава доминирующей.

Идеи мыслителей, по существу придерживавшихся географического детерминизма, исключали активную реакцию на происходившие в мире изменения. Такая позиция была близка и власти. Увеличивающаяся со временем угроза вторжения со стороны западных держав так и не побудила сёгунат к сколько-нибудь активным действиям. Те, кто выступал с инициативой по подготовке отпора западному давлению, могли рассматриваться властями как диссиденты. В этом отношении показательна судьба самурайского сына Хаяси Сихэй (1738–1793). В своем труде «Кайкоку хэйдан» («Беседы о военном деле морского государства», 1786 г.) он широко использует термин «морское государство» (кайкоку) применительно к Японии. Однако его не интересуют возможности моря как среды, использование которой может доставить японцев в другие земли. Он подчеркивает двойную функцию моря – разделять и соединять, но оставляет вторую возможность почти исключительно для иноземцев, одержимых торгово-захватническим духом: «То, что страна является морской, может сделать приход чужеземных разбойников в эту страну легким, но в то же время послужить препятствием к этому... Говоря о трудностях, я

имею в виду наши неприступные берега, со всех четырех сторон окруженные бескрайним морем, и это исключает возможность попасть в нашу страну без разрешения. Однако не следует и пренебрегать укреплениями на этих неприступных берегах»³¹.

Таким образом, Хаяси Сихэй разделяет представление о Японии как о стране с благоприятным географическим расположением с точки зрения обороны. Но в тот период, когда угроза вторжения со стороны западных держав становилась ощутимее, он осмелился предложить конкретные меры по дополнительной (теперь уже рукотворной) защите страны. Поэтому его сочинение было запрещено, а сам он подвергнут аресту. Тезис о природной защищенности Японии был частью государственной идеологии.

В своем сочинении Хаяси Сихэй также утверждал: «Если с настоящего момента утвердить новую систему [обороны] и постепенно готовиться, пятидесяти лет вполне хватит, чтобы на всем морском побережье Японии соорудить великолепные и внушительные сооружения. Не сомневайтесь! Когда все это будет реализовано, открытое море станет для нас ровом, прибрежные утесы – каменными стенами, а сама Япония станет подобной огромному замку окружностью в пять тысяч ри. Разве не приятно это осознавать?»³²

В трактате Хаяси Сихэй обращает на себя внимание следующее обстоятельство: рассуждая о мощи европейских судов, он призывает не столько к созданию собственного военно-морского флота, сколько к строительству оснащенных пушками береговых укреплений. Таким образом, он в значительной степени остается во власти представлений, что Япония является сухопутно-земледельческим государством и отдает море во власть других стран.

На протяжении нескольких столетий взгляды японцев на море заключались в том, что оно является средой не столько соединяющей, сколько разделяющей. При этом в разные времена Японии приписывалось либо центральное, либо периферийное положение. По-настоящему новый этап осмысления моря связан с насильственным открытием страны, осуществленном западными державами в середине XIX в. Двухвековой период добровольной самоизоляции был закончен. Видя преимущество Запада в военном и технологическом отношении, японцы впадают в уныние. Вместе с тем предпринимаются и масштабные реформы, призванные поставить Японию в ряд мировых держав, а прежние ценности подвергаются решительному переосмыслению. Море не избежало этой участи. В Японии крепнет убеждение, что только продемонстрировав свои потенции по овладению стихией моря, страна способна доказать свою конкурентоспособность на международной арене и не стать

европейской колонией. Каких бы взглядов ни придерживались политики, ученые и публицисты, все они сходились в одном: для того чтобы страну стали «уважать» на Западе, необходимо расширить «крошечную» территорию Японии и превратить ее в колониальную империю – все «мировые державы» уже обладали колониями и стремились обзавестись новыми.

Для того чтобы превратить Японию в колониальную державу, следовало коренным образом пересмотреть свои взаимоотношения с морем – ибо только покорение морской стихии могло обеспечить желаемый результат. Раньше море благодарили лишь за то, что оно предотвращает проникновение в страну иноземцев и их «низкопробных» обыкновений и нравов. Теперь же мы слышим сетования по поводу того, что это море ввиду «пассивности» режима Токугава превратилось в препятствие для проникновения в страну «передовых» достижений мировой культуры и цивилизации. И ныне следовало овладеть морской стихией – построить военный и торговый флот. Политика изоляционизма, которая раньше казалась благом, воспринималась теперь как преступная недалекость.

Видный мыслитель Утимура Кандзо (1861–1930) утверждал: Япония окружена обширными морями, однако она не сумела воспользоваться этим преимуществом – точно так же, как Индия и Китай, она не уделяла морю должного внимания, страшилась его, а потому в течение длительного времени была уединенной страной на самом краю Востока. Поэтому она и не сумела расширить свою территорию, ведь «история моря – это история экспансии». Поэтому Япония не сумела стать такой же огромной, как Великобритания или Россия. «История начинается в горах, проходит через равнины и завершается в море. Отсутствие одного из этих элементов означает невозможность здорового развития». А потому Японии надлежит освоить морскую стихию, и тогда «островная Япония» сумеет приобщиться к материковости. Утимура настаивал на том, что историческая миссия морской Японии – соединять в торговом и культурном отношении разные материки, подобно тому, как Англия соединяет Европу и Америку, Сицилия – Европу и Африку, а Кипр – Европу, Африку и Азию³⁵.

В период Мэйдзи Япония действительно вовлекается в международное разделение труда, обзаводится флотом и собственным кораблестроением. В мае 1883 г. открылась первая выставка морских промыслов, обращение к участникам которой послал сам император. Общение императора с рыбаками и моряками с точки зрения традиционных ценностей было делом абсолютно немислимым. Однако теперь оценка морской среды в общественном сознании

меняется радикально. Историки и публицисты начинают говорить о позитивной роли моря в истории Японии, всемерно подчеркивается, что история страны начиналась с моря – именно в море Идзанаги и Идзанами созданы острова, на которых с тех пор и проживают японцы. Сёгунат Токугава запретил развитие морского дела, но на самом деле японцы в своих истоках были народом морским. При этом многие мыслители начинают именовать Японию страной не островной, а морской.

В связи с новой ситуацией в стране стали появляться люди, которые взялись за выработку языка по идеологическому и эстетическому освоению моря. На первых порах эти попытки сталкивались со значительной культурной инерцией. В 1894 г. вышла знаменитая книга Сига Сигэтакэ (1863–1927) «Японский ландшафт», в которой автор заявлял, что природа Японии – самая красивая в мире³⁴. В этой книге Сига говорил о многообразии японских ландшафтов, ибо в Японии представлены ландшафты как морские, так и горные. Однако при сравнении морского раздела книги с горным обнаруживается, что, повествуя о горах, автор обильно уснащает свое повествование высокохудожественными цитатами своих японских предшественников – как поэтическими, так и прозаическими. В морском же разделе они полностью отсутствуют. Вероятно, по той причине, что традиционной художественной (письменной) культурой не был выработан язык для описания морской среды. Его выработка еще только начиналась. Сам Сига тоже не находит собственных восторженных слов, когда речь заходит о море. Неудивительно, что морской раздел книги – самый короткий и насчитывает всего несколько страниц, а два приведенных в книге стихотворения о море принадлежат перу вовсе не японцев, а никому не известным европейским стихотворцам.

Однако идея о необходимости воспеть море все равно стучалась в дверь. Показательно, однако, что на первых порах при описании моря японцы не могли по-настоящему «выйти в море» и отказаться от языка, который описывал сушу. В песенке, которая вошла в школьную программу в 1896 г., дети старательно выводили:

Далеко, насколько хватает глаз – суда рыбаков на морской равнине.
Голоса, празднующие улов, сотрясают Небо, клубятся в воздухе.
Они волнуют море, поднимают волны.
Какая энергия!

Насколько хватает глаза – высоченная гора из рыбы на берегу.
Эта гора – каменное основание нашей богатой страны,

фундамент благополучного народа.
[Эта гора] – густая чаща, высокие деревья.
Какое счастье!³⁵

При описании моря автор этих песенных слов и служитель придворного стихотворного ведомства Накамура Акика (1841–1910) не нашел ничего лучшего, как построить гору на побережье и засадить ее склоны деревьями. Так было привычнее. Горы удерживали его кисть от дальнего плавания по морским волнам.

С 1910 г. японские школьники стали распевать песню под названием "Мы – дети моря". Второй куплет звучал вполне эпически:

С рождения купались мы в соленых приливах,
Слушали колыбельную – пение морских волн,
Всасывали океанскую ки-энергию, долетающую
Издавека-далека – так и выросли!³⁶

Не оставались в стороне и художники. Под западным влиянием формируется местная маринистическая школа.

В стране складывалась атмосфера, когда каждый мыслитель старался внести свой вклад в приписывание морю положительных свойств. Так случилось с осмыслением климата. Видный философ Вацудзи Тэцуро (1889–1960) восхищался муссонным климатом страны, обусловленным влиянием моря. По его мнению, это создает многообразие погодных условий и обеспечивает уникальное богатство природной среды, а она, в свою очередь, создает богатство природы японца³⁷.

Вслед за Вацудзи восхищался японским климатом и Тэрада Торахико (1878–1935). Он полагал, что земля Японии наделена уникальными характеристиками. Главной причиной такой уникальности является двуединая географическо-геологическая природа страны: с одной стороны, она является частью материка (была когда-то соединена с материком сухопутными мостами), с другой стороны, Япония – это острова, окруженные морем. И хотя расстояние от Японии до материка невелико, морская среда смягчает ее климат, в чем легко убедиться, если взглянуть на расположенные совсем рядом Корею и Маньчжурию. Сказанного достаточно, как полагает автор, чтобы признать: среди стран, расположенных в умеренном поясе, Япония занимает уникальное положение³⁸.

В сложившейся интеллектуально-эмоциональной ситуации морю не могли быть приписаны отрицательные смыслы. Не избегают этой участи даже тайфуны и цунами. За игрой бездушных стихий Тэрада

Торахико углядел воспитательную функцию природы, в чем можно увидеть его реальный вклад в осмысление японской природы и создание ее мыслительной модели. Автор придает японской природе двуединую сущность, характеризуя ее и как «добрую мать», и как «строгую отца». В то время, когда жил Тэрада, именно такое распределение гендерных родительских ролей считалось идеальным для японской семьи. «Таким образом, наша родная японская земля, по которой мы ходим, это, с одной стороны – “мать-земля”, которая возвращает и воспитывает нас с помощью своей глубокой доброты и любви, а с другой стороны – это “строгий отец”, который своим неперенным бичом-наказанием окорачивает наше сердце, с такой легкостью впадающего в легкомыслие. Правильное сочетание строгости отца и доброты матери – только в такой стране возможно высочайшее развитие культуры»³⁹.

Тэрада продолжает разворачивать метафору. Раз природа несет в себе родительское начало, то она – наставник. Ее следует «слушаться», т. е. приспособливаться. И разве можно восставать против родителей и учителей? В этом отношении традиционная Япония являет собой разительный контраст с Западом с его идеей противостояния человека и природы, стремлением человека «покорить природу».

Тэрада утверждает, что желание «покорить природу» развилось на Западе потому, что там иная среда обитания, которая не в состоянии играть родительскую роль. Природные условия там неблагоприятны и не позволяют видеть в природе добрую мать. Землетрясений, тайфунов и цунами там тоже не случается, а потому европейцы не боятся природы-отца. А раз нет страха, то люди и позволяют себе думать о природе как о феномене, который можно и должно подчинить человеческой воле.

В природных бедствиях Тэрада находил и другое положительное следствие – формирование мужественного и стойкого национального характера. Он писал, что «частота природных бедствий оказала положительное влияние на наш национальный характер – тысячелетняя закалка природными бедствиями породила в японском народе целый ряд уникальных и превосходных качеств»⁴⁰.

В Японии первой половины XX в. море становилось резервуаром, наполненным исключительно положительными смыслами. Это касается не только геополитики или эстетики, но и здоровья. Увлечение морем принимало настолько серьезные масштабы, что временами становилось опасным для Японии горной. Находились даже авторы, которые полностью шли наперекор традиции. Для религиозного человека горы традиционно были местом

паломничества и напитывания божественной энергетикой. Для человека светского покрытые лесом горы всегда считались идеальным местом для укрепления здоровья и бегства от летней жары. Однако достаточно известный публицист своего времени Такахаси Тэцутаро в 1903 г. утверждал обратное: «Пребывание в горах представляет наибольшую угрозу для вашего здоровья». В качестве аргументов он приводил большой перепад дневных и ночных температур в горах, влажно-холодные туманы и дымки, провоцирующие простуду и расшатывающие здоровье. Что до горячих горных источников, в которых привыкли купаться японцы, то и в этом обыкновении ничего полезного тоже нет, поскольку после пассивного отмокания в горячей воде японцы имеют другое обыкновение – предаваться неумеренным возлияниям. Что до морского побережья, то там не наблюдается резких перепадов суточных температур, там прохладное лето и теплая зима, поэтому морской климат намного более полезен для здоровья. К тому же на побережье можно полакомиться свежей рыбой. Свою статью Такахаси заканчивает энергичным призывом ко всем японцам, включая студентов: немедленно ехать на морское побережье и предаваться там изучению наук⁴¹. Жажда познания была характернейшей чертой Японии того времени.

Действительно, в это время в соответствии с европейскими рекреационно-медицинскими стандартами в Японии тоже начинают создаваться морские курорты и санатории для легочных больных, а богачи покупают себе виллы на морском побережье – явление совершенно новое в японской истории. Императорская семья также обзаводится резиденциями на море. Раньше местом для загородного проживания выступали исключительно горы.

Еще одним следствием увлечения морем становится увеличение потребления сырой рыбы. Суси и сасими, разумеется, были знакомы японцам и раньше, но это была еда простых людей, рыбаков, проживавших на побережье. Теперь же морское побережье манило свежей рыбой всех японцев. В это время активно обосновывается тезис об уникальности пищевой диеты японцев, основу которой составляют рис и морепродукты. Тэрада Торахико писал: море дает японцам не только рыбные калории, но и водоросли, «источник такого разнообразия витаминов, что и не снилось западному человеку»⁴². При этом морепродукты всегда потребляют свежими, и эта особенность отличает японскую пищевую диету от других стран.

Несмотря на новые «морские» веяния, японцы все равно не смогли забыть ни про горы, ни про свое обыкновение выпивать после купания в горячем источнике. Тем не менее и пребывание на морском побережье сделалось делом модным и привычным. Так

реализовывалась двойная сущность природы Японии – страны гор и страны моря. Море и горы как метки идеального пейзажа существовали в общественном сознании на равных основаниях. Не случайно известный литератор и альпинист Кодзима Усуи (1873–1948) восхищался морем и горами в одинаковой степени. Вознося хвалы снежной шапке на горе Фудзи, он находит, что подобно тому, как белый цвет вбирает в себя весь световой спектр, так и Фудзи является носителем всех возможных сверхценностей – справедливости, святости, чистоты, незапятнанности, совершенства⁴³. Такой же «колористический» подход он использует и при описании моря: его голубизна успокаивает, его безбрежность приводит автора в байронический восторг. Его нервную систему успокаивает мерно-музыкальный плеск волн – явление, которое в традиционной культуре Японии никогда не привлекало внимания (в то время в связи с убыстрившимся темпом жизни и ломкой привычного уклада нервные заболевания действительно получили широкое распространение).

Как и в прежние времена, горы и воды составляли для Кодзима каркас природной картины, но вода пресная на глазах становилась солонее. Поэтому с вершины горы Фудзи литератор Кодзима своим орлиным взором прозревает вовсе не реки и озера (а они отсюда и вправду видны), а море – причем даже те весьма отдаленные от вершины места, которые в действительности отсюда наблюдать невозможно⁴⁴.

В общественном сознании статус моря неуклонно поднимался. Однако это не означает, что падал статус воды пресной. Япония характеризовалась как страна чистой пресной воды. Эта чистота отличала ее от других стран. Знаменитый писатель Кавабата Ясунари в рассказе «Вода» (1944 г.) так описывает чувства переселенцев в Маньчжурию: «Больше всего ее удивляло то, что им приходилось платить по семь сэн за канистру воды. Вода была мутной и грязной. С содроганием она думала о том, что вот этой водой нужно будет полоскать рот и мыть рис. Через полгода простыни и нижнее белье стали желтыми... “Скорей бы весна настала, постираться хочу. Так, чтобы не экономить” – сказала соседка. Так может мечтать только женщина, которая привыкла, что на ее родине сколько угодно чистой воды»⁴⁵.

Художественному, рекреационному и торговому освоению морской стихии сопутствовала военная составляющая. Считалось, что в войнах с Китаем (1894–1895) и в особенности с Россией (1904–1905) основной вклад в победу внес флот. Это являлось доказательством того, что японцам удалось овладеть стихией моря. Морская стихия выступала теперь в качестве той проводящей среды, которая

обеспечивает прохождение солнечного света, света, исходящего от Японии. На страницах довоенных школьных учебников Япония фигурировала в качестве «морской державы»: «Нынешняя Япония, как и говорит название “морская Япония”, во всех морях мира подняла свой “солнечный круг” [национальный флаг – *А. М.*], который испускает сияние страны...Пространство, на котором несет свою славу морская Япония – необъятно. Продвигаться по этим широким просторам с “солнечным кругом” – наше благородное предназначение»⁴⁶.

Для людей военных и близких к ним по духу экспертов Япония виделась новой владычицей морей. Сын синтоистского священника и профессор университета Киото Комаки Санэсигэ (1898–1990) был известным теоретиком «императорской геополитики». Он утверждал, что европейские империалисты, присвоив частям мира придуманные ими самими имена, «расчленили» то, что является на самом деле единым целым. Поэтому на самом деле Австралия – это Южная Азия, а Африка – это Западная Азия (при этом как-то упускалось из виду, что концепт Азии как географической единицы – это тоже концепт европейский). Все моря и океаны – это на самом деле одно и то же водное пространство, не подлежащее искусственному делению. А потому следует назвать это пространство Океаном Великой Японии⁴⁷.

Как известно, Япония потерпела жестокое поражение во Второй мировой войне. В 1949 г. вышел сборник писем японских студентов, которые погибли на фронте. Он имел знаковое название: «Слушайте голос моря!» («Кикэ! Ватацуми-но коэ»). Имелось в виду, что именно море стало последним пристанищем для множества японских юношей. Море, которое в мифе служило источником жизни, превратилось в кладбище.

После окончания войны картина мира японцев претерпела существенные изменения. Несмотря на усиленное ментальное освоение моря в довоенный период, этого полувека оказалось недостаточно, чтобы преодолеть культурную инерцию. И нынешние японцы не считают, как правило, Японию страной морской, несмотря на огромную зависимость страны от моря в транспортном, пищевом, географическом и климатическом отношении⁴⁸. И символом Японии является вовсе не море, а гора Фудзи.

Примечания

- 1 Работа выполнена в рамках НИР «Традиционные основы современных культур и макрорегионов Востока» (ШАГИ РАНХиГС, 2013–2014 гг.).
- 2 Нихон сэки. Анналы Японии. Пер. Л.М.Ермаковой и А.Н.Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 1. С. 118.

- 3 Там же. С. 131–134.
- 4 Норито. Сэммё. Пер. Л.М. Ермаковой. М.: Наука, 1991. С.112.
- 5 Нихон сёки. Анналы Японии. Там же. С. 126, 128–129.
- 6 Там же. С. 194. Кодзики. Записи о деяниях древности. Перевод Е.М. Пинус, Е.М.Ермаковой, А.Н.Мещерякова. СПб., «Шар». Т. 2. С. 196-197.
- 7 Нихон сёки. Анналы Японии. Указ. соч. Т. 1. С. 165, 175.
- 8 Там же. С. 248.
- 9 Там же. С. 268.
- 10 Сёку нихонги, Ёро, 1-9-12 (717 г.).
- 11 Сёку нихонги, Ёро, 1-12-22 (717 г.).
- 12 Сёку нихонги, Ёро, 6-1-20 (722 г.)
- 13 Сёку нихон коки, Дзёва, 11-11-4 (844 г.).
- 14 Нихон коки, Дайдо, 4-4-28 (809 г.); Конин, 1-7-26 (810 г.).
- 15 Повесть о дупле. Уцухо моногатари / Пер. В.И. Сисаури. СПб.; М.: Петербургское востоковедение, Наталис, Рипол классик, 2004. Т. 1. С. 262.
- 16 *Ёсида Канэёси*. Записки на досуге / Пер. А.Н. Мещерякова. М.: Наталис, 2009. С. 99.
- 17 Сёку нихонги, Вадо, 1-2-15 (708 г.). роника «Сёку нихонги» («Продолжение Анналов Японии»). Свиток 4 // История и культура традиционной Японии 6. *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. LI. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. С. 32.
- 18 Повесть о доме Тайра / Пер. И. Львовой. М.: Художественная литература, 1982. С. 110.
- 19 Повесть о втором советнике Хамамацу (Хамамацу тюнагон моногатари). Дворец в Мацура (Мацура-мия моногатари) / Пер. В.И. Сисаури. М.: Наталис, 2010. С. 284.
- 20 *Мещеряков А.Н.* Гора Фудзи: между землёй и небом. М.: Наталис, 2010.
- 21 Нихон сёки. Анналы Японии. С. 215.
- 22 Сёку нихонги, Рэйки, 1-5-14 (715 г.).
- 23 *Ёсида Канэёси*. Указ. соч. С. 99.
- 24 *Мурасаки Сикибу*. Повесть о Гэндзи (Гэндзи моногатари) /Пер. Т.Л. Соколовой-Делюсиной. М.: Наука, 1991. Кн. 2. С. 217.
- 25 См.: *Мещеряков А.Н.* Размер имеет значение: эволюция понятия «островная страна» в японской культуре // Вопросы философии. 2012, № 8. С. 72–84.
- 26 Цит. по: *Утида Хидэо*. Нихон-но сюкётэки фудо то кокудокан. Токио: Даймёдо, 1971. С. 9, 30.
- 27 Нитирэн дайсёнин госё дзэнсю. Токио: Сокагаккай, 1952. Т. 2. С. 1331.
- 28 *Утида Хидэо*. Указ. соч. С. 26.
- 29 *Хирата Ацутанэ*. Истинный священный столп духа. // Синто. Путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 2. С. 299. Вышеприведенный пассаж дается в переводе В.П. Мазурика с нашими незначительными корректировками.
- 30 См.: *Мещеряков А.Н.* Восток и солнце. Благодатность японской земли в культурно-географическом дискурсе. // Вопросы философии. 2013, №7. С. 37–45.
- 31 Цит. по: *Щепкин В.В.* Трактат Хаяси Сихэй «Кайкоку хэйдан» как памятник

- военно-политической мысли Японии эпохи Эдо (1603-1867). Дис.... канд. ист. наук. СПб.: 2010. С. 151.
- 32 Там же. С.158.
- 33 *Утимура Кандзо*. Тидзинрон. Токио: Иванами, 2011. С. 50–51, 152–153, 160.
- 34 Подробный анализ этой книги см. *Мещеряков А.Н.* Красота японской природы в интерпретации Сига Сигэтака // Ежегодник «Япония». М.: Ассоциация японоведов, 2013. С. 312-332.
- 35 Нихон сёкасю. Токио: Иванами бумпо, 2011. С. 50.
- 36 Там же. С. 156.
- 37 *Вацудзи Тэцуро*. Фудо. Нингэнгаку-тэки косацу. Токио: Иванами, 1979. С. 164-165.
- 38 *Тэрада Торахико*. Дзуйхицусю. Токио: Иванами, 2011. Т. 5. С. 228–229. Анализ взглядов Тэрада Торахико на природу Японии см.: *Мещеряков А.Н.* Поиски национальной идентичности: Тэрада Торахико и его понимание японской природы // *Instituonis Conditori: Илье Сергеевичу Смирнову. Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск L. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. С. 154-161.*
- 39 *Тэрада Торахико*. Указ. соч. Т. 5. С. 230.
- 40 Там же. С. 57.
- 41 Нихондзин. 1903. №191. С.28–29.
- 42 *Тэрада Торахико*. Указ. соч. Т. 5. С. 235–236.
- 43 *Кодзима Усуи*. Сансуй бирон. Токио: Дзёдзандо, 1908. С.46, 112.
- 44 *Кодзима Усуи*. Уми-но би // Нихондзин. 1906, №432. С. 14–16; *он же*: Кико дзуйхицу сю. Серия «Гэндай нихон бунгаку дзэнсю». Токио: Кайдзося, 1929. Т. 36. С. 244.
- 45 *Ясунари Кавабата*. Рассказы на ладони / Пер. А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 2006. С. 269–270.
- 46 *Ириэ Ёко*. Нихон га камин-но куни дата дзидай. Кокумин гакко-но кёкасё-о ёму. Токио: Иванами, 2001. С. 45.
- 47 *Ямамура Синъити*. Кокумин тэйкоку. Нихон-но кэйсэй то куканти. – Кукан кэйсэй то сэкай нинсики. – Тэйкоку нихон-но гакути. Токио: Иванами, 2006. Т. 8. С. 59-60.
- 48 Уми-кара мита нихон бунка. Токио: Сёгаккан, 1992. С. 23–24.